

УДК 94(47)“1916”

UDC

DOI: 10.17223/23451734/5/2

## ЗАПИСКА А.Ю. ГЕРОВСКОГО ПО ВОПРОСАМ «УКРАИНСКОМУ», АГРАРНОМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ В ЧЕРВОНОЙ РУСИ.

### Резюме

Записка А.Ю. Геровского «По вопросам “украинскому”, аграрному и религиозному в Червонной Руси» была направлена в Ватикано-славянский отдел МИД России, где была зарегистрирована 4 августа 1916 г. под № 432.

Алексей Юлианович Геровский (1883-1972) - известный карпаторусский общественно-политический деятель, внук Адольфа Добрянского.

Анализируя состояние «украинского» вопроса в Червонной Руси (под которой автор подразумевал Угорскую Русь, Буковину и Галичину - населенные русинами области Австро-Венгрии), он упоминает, что данный вопрос существовал только на Буковине и Галичине. Последняя являлась центром украинского сепаратизма.

А. Геровский предлагал не только бороться против сепаратизма запретительными мерами, но и проводить «культурную работу», одновременно решая аграрный, религиозный и другие вопросы.

Он считал, что борьба с украинским сепаратизмом сводится главным образом к образованию и печати. По его мнению, после занятия русской армией Галичины украинские издания могут прекратить существование сами из-за отсутствия финансовых средств, которые раньше поступали от австрийского или германского правительств, или от галицких (польских) властей. Выпуск украинских газет может быть разрешен, если будет доказано, что издаются они на собственные местные средства.

Говоря о школах, он отмечал, что большая часть населения не требовала обучения на родном наречии, главное, чтобы школа учила и приносила реальную пользу. В то же время «украинский жаргон отнюдь не тождественный с местным русским наречием».

Автор записки рекомендовал после войны, когда население не будет опасаться австро-венгерских репрессий, ввести народные школы с русским литературным языком преподавания, причем на основании решений местных сельских сходов.

Аграрный вопрос предлагалось решить путем ликвидации крупного польского землевладения в Галичине и Буковине. Большинство помещиков имели крупные долги до войны, а во время ее разорились окончательно.

Религиозный вопрос имел отличия. Большинство русинов проживали в Галичине и были униатами. Так как уния еще не пустила корни, предлагалось осторожно вести работу над воссоединением с православной церковью.

Документ хранится в Архиве внешней политики Российской империи.

**Ключевые слова:** Галиция, Буковина, Угорская Русь, Австро-Венгрия, Россия, русины, русские, украинский сепаратизм, уния, униатство, православие, Первая мировая война, аграрный вопрос, религиозный вопрос.

**ZAPISKA A.YU. GEROVSKOGO PO VOPROSAM  
“UKRAINSKOMU”, AGRARNOMU I  
RELIGIOZNOMU V CHERVONNOY RUSI  
[A REPORT BY A.YU. GEROVSKIY  
ON THE “UKRAINIAN”, AGRICULTURAL AND  
RELIGIOUS ISSUES IN RED RUS]**

**Abstract**

The report was sent to the Vatican-Slavic Department of the Foreign Ministry of Russia, where it was registered on August 4, 1916, with No. 432.

Aleksey Yulianovich Gerovskiy (1883–1972) was a well-known public and political figure in Carpathian Rus, a grandson of Adolf Dobriansky.

Analyzing the state of the “Ukrainian” question in Red Rus (which, according to the author, included Hungarian Rus, Bukovina and Galicia – the Austria-Hungary regions populated by Rusins), Gerovskiy mentions that the issue existed only in Bukovina and Galicia. The latter was the center of Ukrainian separatism.

A. Gerovskiy offered not only to fight against separatism by restrictive measures, but also to carry out “cultural work” that would simultaneously solve the agrarian, religious and other issues.

He believed that the fight against Ukrainian separatism mainly concerned education and the press. In his opinion, after the Russian army occupied Galicia, Ukrainian periodicals could cease to exist naturally because of the lack of funds that the Austrian or German governments, or the Galician (Polish) authorities had previously given. The publication of Ukrainian newspapers could be allowed if they proved they were financed from local sources.

Speaking about schools, Gerovskiy noted that most of the population did not demand education in their mother tongue; importantly, the school was to teach and be of practical use. At the same time, the author wrote that the Ukrainian dialect was not at all identical with the local Russian dialect.

After the war, when the population would not fear the Austro-Hungarian repression, Gerovskiy recommended by decisions of local village meetings to establish public schools with the Russian literary language as the language of instruction.

He proposed to solve the agrarian question by the elimination of a major Polish land tenure in Galicia and Bukovina. Most landowners had big debts before the war, and went completely broke during it.

The religious question had its features. The majority of Rusins lived in Galicia and were Uniates. As the Union had not yet taken root, it was suggested to softly work on the reunification with the Orthodox Church.

The document is stored in the Archive of Foreign Policy of the Russian Empire.

**Keywords:** Galicia, Bukovina, Hungarian Rus, Austria-Hungary, Russia, Rusins, Russians, Ukrainian separatism, Union, Uniatism, Orthodoxy, World War I, agrarian question, religious question.

### Украинский вопрос в Галичине и Буковине

Украинский вопрос существует в Австрии только в Галичине и Буковине. В Угорской Руси украинская идея не привилась даже в интеллигентных кругах, несмотря на все старания австрийского правительства.

Центром украинского сепаратизма была Галичина, в частности же город Львов, где развивали свою деятельность различные украинские общества и издавался главный орган мазепинцев, ежедневная газета «Діло».

Против украинства необходимо бороться, так как украинский сепаратизм, направленный к ослаблению и расчленению России, является одним из самых серьезных вопросов внутренней русской политики.

Одним из главных результатов нынешней войны должно быть прекращение украинской ирреденты.

Успешная ликвидация украинского вопроса в Галичине - обезвредить отчасти также и украинцев в России, которые привыкли видеть в Галичине своего рода украинский Пьемонт.

Способы борьбы должны быть такие, которые не вызывали бы лишней оппозиции в крае и не создавали бы лишних мучеников за украинскую идею. Следует показать, что украинское движение в Галичине и Буковине - явление неестественное, некультурное и нежизнеспособное, что оно поддерживалось искусственно врагами русского народа, и что лишненное этой поддержки украинское движение должно умереть естественной смертью.

Для достижения этой цели не следует бороться против украинства одними лишь запретительными мерами. Главным средством борьбы должна быть позитивная культурная работа в русском смысле, при одновременном правильном разрешении других вопросов, тесно связанных с украинским, а именно вопросов аграрного, религиозного и др.

Среди австрийских украинцев есть много слабохарактерных людей, которые против своих убеждений примкнули к украинской

партии только ради карьеры, так как в Австрии это был самый верный способ обеспечить себе поддержку со стороны правительства. Этими людьми следует воспользоваться в борьбе против украинского движения в Галичине, потому что они как бывшие украинские общественные деятели скомпрометируют это движение, открыв перед обществом истинные причины своего прежнего украинства.

Борьба с украинским сепаратизмом сводится главным образом к вопросам о школе и о печати.

Что касается украинских газет, то прежде всего приходится указать на то, что ни одно из украинских повременных изданий, выходявших до войны, не существовало самостоятельно, что все эти издания получали пособия от центрального австрийского (венского) правительства, от автономных польских (галицких) властей или же из Берлина.

По этой причине после оккупации Галичины русскими войсками все украинские издания должны будут прекратить свое существование за отсутствием средств.

Ввиду этого едва ли придется закрывать украинские газеты, но нельзя допустить, чтобы эти газеты издавались на средства, присылаемые из Австрии или из Германии. Материальная поддержка украинского движения в Галичине будет продолжаться, несомненно, не только со стороны австрийского и германского правительств, но и со стороны польских и еврейских организаций, которые всегда систематически поддерживали это движение против «общего врага» - России. Даже такие патентованные польские русофилы, как профессор Грабский, не могут отказаться от поддержки украинцев даже теперь, в такое время, когда, казалось бы, у поляков достаточно своих собственных забот. В своих записках и советах бывшему галицкому генерал-губернатору графу Бобринскому профессор Грабский требовал прав Восточной Галиции не только для поляков, но и для украинцев и подчеркивал необходимость украинских школ. А польские газеты всех «ориентаций» продолжают и во время войны противопоставлять интересы «русского» (т. е. малорусского) народа интересам «российского» (т. е. великорусского) народа.

Издание украинских газет может быть допущено только тогда, если будет доказано, что газета издается на собственные местные средства, причем в этом отношении должен быть учрежден постоянный строгий контроль. Дабы не придать этой мере исключительного характера, можно бы распространить ее также и на польские газеты.

Никто не может упрекнуть русское правительство в несправедливости, в угнетении украинского народа, если оно не разрешит

австрийскому и германскому правительствам издавать свои газеты в завоеванном Россией крае. Это не будет борьба против свободного развития местного русского наречия, это не будет «ограничением малорусского печатного слова», а борьба против Германии и Австрии. Если в Галичине существует действительная потребность в газетах на украинском жаргоне, то средства должны найтись на месте среди читателей.

Во время первой русской оккупации местная администрация сделала крупную ошибку, закрыв газету «Діло», главный орган мазепинской партии. Между тем этой газетой можно было воспользоваться для нанесения решительного удара украинскому сепаратизму не только в Галичине, но и в России, где «Діло» пользовалось большим авторитетом, нежели издаваемая в Киеве «Рада». Редактором «Діла» был в то время некто Свенцицкий, человек русских убеждений, но слабохарактерный, поступивший в ряды украинцев только ради карьеры. После занятия г. Львова русскими войсками Свенцицкий сразу переменял направление своей газеты и напечатал даже очередной номер общерусской (этимологической) орфографии. В убеждении, что протекция австрийского правительства ему больше не понадобится, Свенцицкий хотел перейти в русский лагерь вместе с «Ділом». Этот переход он хотел объяснить на столбцах своей газеты тем, что украинство в Галичине было необходимо при Австрии, чтобы хотя бы в этой признанной австрийским правительством форме спасти русский элемент в Галичине от ополячения и истребления, и что с освобождением Галичины украинство потеряло право на существование.

Какой бы это был удар для всего мазепинства, если бы их главный политический орган высказался в этом смысле!

К сожалению, местные русские власти, не ознакомленные с положением дела, и послушавшись плохих советчиков, не использовали этого редкого случая и закрыли газету.

Что касается школы, то следует иметь в виду, что простонародье, т. е. громадное большинство русского населения в Галичине и Буковине, совершенно не требует, чтобы в школе обучали на родном наречии. Единственное, чего требует народ, это то, чтобы школа учила и приносила бы реальную пользу. Этот взгляд народа получил яркое выражение в Буковине, где до последних лет не было национальной борьбы между коренными жителями края (русскими и румынами). В Буковине местное русское население было весьма недовольно украинской школой, обходившейся сейму дорого и не приносящей никакой пользы. Люди, окончившие эту школу, не могли читать ни Евангелия, ни русских книг, ни бумага, получаемых из правительст-

венных учреждений (на немецком языке). Они знали только официальный украинский жаргон, отнюдь не тождественный с местным русским наречием, и не могли найти ему никакого применения. Этот жаргон страшно не нравился крестьянам, недовольным, что школа совершенно бесцельно коверкает подлинный родной язык детей. Между тем при отбывании воинской повинности знание немецкого языка давало большие преимущества, а знание румынского языка также было полезно в Румынии, куда многие русские буковинцы ходили на заработки. Вследствие этого во многих деревнях начался бойкот украинской школы, дело доходило даже до форменных бунтов, до разгрома школьных зданий и насильственного удаления украинских учителей. В конце концов в целом ряде чисто русских деревень украинские школы были закрыты по требованию местных крестьян и заменены румынскими. Это движение против украинской школы в Буковине росло вплоть до начала войны. (У меня имеются подробные статистические данные.) В Буковине украинская школа и теория «родной мовы» потерпели фиаско.

В Галичине отношение местного русского населения к украинской школе было несколько иное вследствие вековой, обострившейся до крайности борьбы против полонизма. Между тем как русское население в Буковине, имея выбор между украинской школой и румынской, предпочло румынскую школу, русское население в Галичине, ненавидящее поляков, предпочитает польской школе какую угодно другую школу. Украинская школа с исковерканным малорусским преподавательным языком была для русского галичанина таким же суррогатом настоящей русской школы, как уния была для него суррогатом православия. То и другое было в газетах народа русским (русская вера, русская школа в противоположность польской вере и польской школе). Даже официальное название школ, народных и средних, было «руска народна школа», «руска гимназия».

Поэтому оппозиции со стороны местного населения против русской школы опасаться нечего, напротив, русский крестьянин ей обрадуется, тем более что эта школа будет не только настоящей русской школой, но что она научит его детей также государственному языку, к знанию которого стремится каждый простолудин, совершенно не увлекающийся непонятной ему украинской идеей.

Оппозиция будет только со стороны небольшой кучки украинских интеллигентов и полуинтеллигентов, которые при хорошей русской администрации и правильном разрешении аграрного вопроса не будут иметь абсолютно никакого влияния на широкие массы населения. Организовать же частные школы с преподавательным украинским языком у упорствующих (украинских интеллигентов) не

хватит материальных средств, если не будет допущена материальная поддержка из-за границы или же со стороны тех российских «общественных деятелей», которые считают своим «гражданским долгом» поддержать всякое антирусское и антигосударственное движение.

При умелой постановке дела можно будет после окончания войны, когда населению будет уже нечего опасаться австрийских вешателей, ввести народные школы с русским литературным преподавательным языком, даже на основании приговоров сельских сходов.

На Угорской Руси не было никогда украинского вопроса, вследствие чего там отпадает и вопрос об украинской школе. В борьбе против украинского движения Угорская Русь сыграла выдающуюся роль.

### Аграрный вопрос

Аграрный вопрос тесно связан с другими вопросами, в особенности с национальным. Правильное разрешение его облегчит в значительной степени разрешение других вопросов, и оно должно считаться с основанием для разрешения украинского вопроса.

Украинская идея в Галичине имеет сознательных последователей только среди интеллигенции, воспитывавшейся в правительственных школах и интернатах в ненависти к России.

В массу русского населения, в крестьянство как такая проникнуть не могла. Крестьянин продолжает называть себя русином (не русином), в множественном числе – «русские люди» (не русины), а свой язык он называет не иначе как русским («я говорю по-русски»). Национальными украинскими лозунгами украинские интеллигенты не могли найти почву в народе, и потому они пошли в народ с радикальной экономической и социальной программой, приспособленной к желаниям безземельных крестьянских масс. На помочах этой экономической программы должна была проникнуть в народ также национальная украинская идея.

По этим соображениям австрийское правительство поддерживало даже самых крайних украинских социал-демократов, но с тем, чтобы они настраивали народные массы против России. Главарям австрийской социал-демократии, евреям, эта цель была так же симпатична, и между австрийской социал-демократией и австрийским правительством в этом отношении царил полное согласие. Издавались украинские социал-демократические газеты, признанные «интернационалом», и устраивались украинские социал-демократические митинги, в которых слушатели призывались прямо к войне

с Россией, «главным врагом всякой свободы, а в частности также свободы Украины». С целью привить народу украинскую идею официальные социал-демократические ораторы объясняли крестьянам, что «московские планы» вместе с польскими планами разделили существовавшую когда-то «свободную Украину», земной рай, в котором не было «ни хлопа, ни пана, ни попа», и что Россия угнетает вместе с польскими панамы крестьян-хлеборобов.

Украинские агитаторы нашли себе приверженцев среди народа только благодаря своей радикальной экономической и социальной программе. Австро-польское правительство допускало и поддерживало эту пропаганду, направленную отчасти по необходимости также против польских помещиков, понимая, что иначе не удастся заинтересовать местное русское население (крестьянство) украинской идеей.

Необходимо вырвать из-под ног украинских агитаторов эту почву, доказав наглядно галицко-русскому крестьянину, что Россия освобождает его не только в смысле политическом, но и в экономическом и социальном отношении, что русское правительство стоит на его стороне, а не на стороне польских панов. Необходимо убедить его, что все то, что ему говорили про Россию в правительственных школах, в правительственных (украинских) газетах, на украинских митингах, - ложь, и что исполняется надежда, возлагаемая с давних времен местным русским крестьянством на Россию, выраженная словами народа, что «придёт Россия, прогонит панов и жидов и даст нам землю».

Для этого необходимо разрешить правильно и возможно скорее аграрный вопрос, после чего все остальные вопросы будут разрешены вестма легко, так как местное русское население будет относиться с полным доверием к русской власти. Разрешение аграрного вопроса в пользу местного русского крестьянства должно лечь в основание всей русской политики в освобождаемом ныне крае.

Что касается «панской» земли, то для ликвидации крупного польского землевладения в Восточной Галичине и в Буковине будет вполне достаточно, если русское правительство не будет препятствовать разорению польских помещиков и не будет оказывать им никакой поддержки (пособия, ссуды, принуждение крестьян к работам и т. п.), если будут приняты меры, чтобы земли разорившихся польских помещиков переходили исключительно в руки местных русских крестьян - «Крестьянский банк». Польские помещики в Галичине были сильно задолжены еще до войны, а война должна разорить их окончательно. С русской государственной точки зрения, было бы большой ошибкой задерживать это разорение и не воспользовать-

ся им для упразднения польского крупного землевладения в русском крае, тем более что от этого зависит главным образом позиция, которую займет по отношению к русскому правительству местное коренное русское население, освобождаемое ныне Россией. Не следует увлекаться мыслью о возможности расположения к себе польских помещиков и польской интеллигенции. Это невозможно ценой никаких уступок и никаких поблажек, и последствием такой нерешительной политики было бы только то, что в местном русском населении была бы создана почва для всякой антигосударственной (украинской и католической) агитации, которая поддерживалась бы спасенными русским правительством от разорения польскими помещиками. Не следует забывать, что единственный элемент, на который может опереться русская власть в Карпатской Руси, - это местное русское население, в особенности же местное русское крестьянство. С ликвидацией польского крупного землевладения в Восточной Галиции немногочисленный польский элемент потеряет там всякое значение, и считаться с ним не будет никакой надобности.

Еврейского землевладения нельзя будет ликвидировать таким мирным способом, так как Всемирная еврейская организация не даст разориться еврейским землевладельцам. Этот вопрос придется разрешить более радикальными мерами, которые встретят сочувствие не только местного русского, но вообще всего местного населения (поляков, румын, мадьяр). В стремлении избавиться от евреев сходятся все национальности, населяющие Австрию, и все партии, даже «крайние левые». Все они ожидают от России освобождения от евреев, и это примирит их в значительной степени с потерей привилегий, которыми пользовались некоторые из них при австрийском режиме.

Само собой разумеется, что имущества гражданских лиц, уличенных во враждебных действиях против России, должны подлежать секвестрации, так само должны быть отчуждены некоторые латифундии в Угорской Руси (например, графа Шенборна), причем обязанность вознаградить владельцев следовало бы при заключении мира возложить на Германию.

### **Религиозный вопрос**

Религиозный вопрос существует в Галичине, на Угорской Руси и в Буковине, но во всех этих краях он иной и требует специального разрешения.

Самый важный и самый трудный – это религиозный вопрос в Галичине, так как население этого края составляет большинство рус-

ского населения Австрии, и так как в этом крае враги Руси и православия, во главе которых последнее время стоял польский граф и униатский митрополит Шептицкий, работали особенно усердно, чтобы отторгнуть местное русское население от православия и от России (уния, украинство).

Несмотря на это, религиозный вопрос в Галичине может быть разрешен в ближайшем будущем в желаемом для России смысле, если он не будет осложнен неудачными экспериментами.

Уния в Галичине в общем пока еще не пустила глубоких корней. Галицко-русский крестьянин считает себя православным, называя свою веру русской в противоположность католичеству – польской вере. Православный обряд сохранился до сих пор в униатских церквях в Галичине гораздо чище, нежели в свое время в Холмщине. Иконостас составляет необходимую принадлежность каждой униатской церкви, органов и статуй нет, богослужение как у православных, только с поминовением папы и с «filioque». Благословляя молящихся, униатский священник называет их православными христианами. Там, где поблизости имеется православная церковь, униаты ходят в православную церковь, хотя бы из-за этого приходилось идти несколько верст дальше, чем в униатскую. Православную церковь галицко-русский крестьянин считает такой же русской, как и униатскую, но лучшей, более «старой, твердой». Польский костел для него чужой, и он туда никогда не заглядывает.

При таком положении вещей все галицко-русское население может быть весьма легко воссоединено с православной церковью, но для этого необходимо действовать очень осторожно.

Прежде всего не следует требовать, по крайней мере, сейчас, формального перехода лиц, которые себя считают православными. Полковым и другим священникам, посылаемым в Галичину, следовало бы дать инструкцию, чтобы они крестили, венчали, исповедовали и причащали обращающихся к ним, не справляясь о том, униаты ли они или православные.

Не следует трогать обрядов, к которым народ привык, ибо простой народ обращает больше внимания на внешний обряд, чем на догматы, которых он зачастую даже не знает.

Необходимо поддерживать точку зрения галицких униатов, что уния и православие – одно и то же. Они сами прекрасно понимают, что православие все-таки «лучше, древнее, тверже».

Поэтому не следует воспрещать солдатам ходить в униатские церкви в Галичине. Посещение убогих деревенских униатских церквей русскими воинами и в особенности офицерами производит громадное впечатление на местных крестьян и доказывает им на-

глядно, что их церковь – православная. Вообще, следует смотреть на унию глазами народа, тогда слияние с православной церковью произойдет само собою, почти незаметно.

Весьма важно, чтобы православные священники, которые будут посланы на Галичину, были люди образованные и знающие историю унии, так как в Галичине все униатские священники, даже деревенские, – с высшим образованием. Необходимо также, чтобы они были материально вполне обеспечены.

При этом случае я не могу обойти молчанием того, что происходило в Галичине по отношению к религиозному вопросу во время первой оккупации. Во всех неудачах обвиняют архиепископа Евлогия (*имеется в виду Василий Семёнович Георгиевский (1868-1946), архиепископ Волынский и Житомирский, после занятия русской армией территорий Австро-Венгрии был назначен управлять церковными делами в оккупированных областях. – Ред.*), его обвиняют даже чуть ли не в насильственном обращении униатов.

Не зная деятельности архиепископа Евлогия, вообще, в подробностях, мне все-таки достоверно известно, что главные причины неудач состояли не в особе архиепископа Евлогия и в его деятельности, но в следующих фактах:

1) Архиепископ Евлогий не располагал достаточными средствами и не мог вследствие этого привлечь на Галичину интеллигентных священников, кроме того, имевшиеся в его распоряжении православные священники, посланные в православные деревни по настоятельным просьбам местного населения, не получали за недостатком средств, иногда несколько месяцев подряд, никакого содержания.

2) Между архиепископом Евлогием и львовской высшей администрацией образовалась не по вине архиепископа Евлогия пропасть, так что совместная работа с этой администрацией была для архиепископа Евлогия невозможной. Виновниками этого прискорбного явления были лица, считавшие по личным соображениям, не имеющим ничего общего с русской государственной политикой, нежелательным влияние архиепископа Евлогия, человека православного, русского и знающего край.

Архиепископа Евлогия обвиняли между прочим также в «неповиновении гражданской власти». Между тем мне известен достоверно следующий факт: к Черновецкой губернии принадлежали, кроме православной Буковины, также шесть униатских уездов, и в одном из них (Снятинском) находилось селение Залуче, жители которого в числе более 3000 душ в 1903 году открыто заявили о своем переходе из унии в православие и дали этим толчок к началу от-

крытой борьбы за православие во многих других галицких уездах. Архиепископ Евлогий собирался посетить Черновецкую губернию и сообщил об этом своем намерении черновецкому губернатору С.Д. Евреинову, приехавшему во Львов, но губернатор Евреинов просил его пока не приезжать, и архиепископ Евлогий согласился с его доводами, он «повиновался» губернатору, очевидно, потому, что С.Д. Евреинов ему был известен как человек, в преданности которого православному делу он не сомневался, и, кроме того, как человек знающий.

Понимание религиозного вопроса львовской высшей администрацией характеризует циркуляр, обязывавший уездных начальников, т. е. в большинстве случаев людей необразованных, бывших полицейских приставов, не нашедших себе применения в России, «следить за чистотой униатского обряда».

В конце приходится еще прибавить, что бывают люди неверующие и презирующие «попов». Это их частное дело, но если такие люди попадают на административные должности, то они должны понимать, что они не имеют права показывать этих своих «частных чувств», они как люди, делающие государственное дело, должны знать, что православие – одна из главных основ русского государства.

А.Ю. Геровский

*Источник:* Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. Особый политический отдел. О. 474. Д. 403. Л. 1-7 об.

*Source:* Archive of Foreign Policy of the Russian Empire (AVPRI). Fund: Special Political Department. List 474. File 403. Pages 1–7 rev.